

Шамурин Юрий

**Ярославль. Романов-
Борисоглебск. Углич**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
Ю70

Ю70 **Юрий Ш.**
Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич / Шамурин Юрий – М.: Книга по Требованию,
2023. – 93 с.

ISBN 978-5-521-30632-9

ISBN 978-5-521-30632-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

У читающей русской публики есть упорное предубѣжденіе противъ древняго религіознаго искусства. Отчасти благодаря незнакомству съ лучшими, достойными художественнаго любования, церковными памятниками, отчасти—вслѣдствіе того не научнаго, какого-то «елейнаго» отношенія къ древности, которымъ до нашихъ дней полна за немногими исключеніями русская церковная археологія. Задача этой книги, отнюдь не претендуя на новаторство, попытаться подойти къ церковному искусству древней Руси съ эстетической точки зрѣнія.

Въ эпохи, подобныя нашему XVII вѣку или католическому средневѣковью, религіи служила вся жизнь и все творчество. Всѣ помыслы, все умѣнье брала церковь и, получая щедрую контрибуцію отъ жизни, не отгоняла ее отъ своихъ росписныхъ сводовъ: древнее православное искусство, какъ это видно хотя бы изъ дивной стѣнописи ярославскихъ церквей, не ограничивалась узко церковными, догматическими изображеніями; священное писаніе, исторія церкви и Россіи, нравоучительныя притчи, апокалипсисъ, — все это даетъ громадное количество темъ для цѣлыхъ живописныхъ цикловъ. Въ этихъ фрескахъ открывается совершенно новый эстетическій міръ, необыкновенно поучительный для пониманія русской души. Но и помимо этой поучительности, есть въ красотѣ древнихъ церквей большая прелесть и власть даже надъ утратившей вѣру душой: незримыя нити возвращаютъ блуднаго сына къ воспоминаніямъ дѣтства, связываютъ какими-то подсознательными ассоціаціями, пробуждаютъ что-то вѣчно дремлющее въ низинахъ души. Такъ живя въ столицѣ, погружившись съ головой въ дѣловую, сухую суету, все же встрепнешься и вспомнишь о чемъ-то родномъ и далекомъ при звонѣ пасхальныхъ колоколовъ...

Съ итальянскихъ озеръ, гдѣ вѣчно празднуетъ природа, все же тянетъ русскаго человѣка домой, на лѣсную рѣчушку, въ тѣнистый оврагъ за селомъ, или въ ржаное поле, откуда видны золотыя маковки. Эта притягательная сила есть и въ старыхъ храмахъ, въ которыхъ такъ наивно и выразительно кристалizовалось русское творчество XVII вѣка!

Ярославская старина вся исчерпывается церковными памятниками. Въ этой книгѣ они разсматриваются со стороны представляемаго ими художественнаго интереса. Древне-русское церковное искусство достигло полной зрѣлости во второй половинѣ XVII вѣка. Предыдущіе вѣка представляются цѣпью исканій, усиленіемъ народа создаютъ свою эстетику, найти для нея достаточно гибкія формы, чтобы воплотить свое міроощущеніе, свою завѣтную мистику и свою религію. Сначала повторяются византійскія формы, холодныя и безразличныя въ великокняжескомъ Кіевѣ, оживленныя немного топорнымъ, русскимъ пониманіемъ красоты въ Новгородѣ и Псковѣ. Византійскія основы разнообразятся и дополняются формами романскаго искусства, завезенными въ XII вѣкѣ во Владиміро-Суздальскую землю. Послѣ двухъ мертвыхъ вѣковъ татарскаго ига крѣпнетъ и обстраивается Москва; выписываются итальянскіе художники и снова въ русское искусство вливается живительная струя ранняго возрожденія. Съ другой стороны на Сѣверѣ зарождается совершенно оригинальное русское искусство и его деревянное зодчество оказываетъ сильное вліяніе на Москву. Здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ — «золотомъ вѣкѣ русскаго искусства», по мнѣнію проф. В. Н. Щепкина ¹⁾, пышно расцвѣтаетъ своеобразное русское творчество, иногда говорящее о связи съ искусствомъ Востока, иногда воспринимающее доносящіяся съ Запада вѣянія ренессанса. Церковное зодчество достигаетъ невиданнаго богатства и разнообразія. Ученый изслѣдователь найдетъ въ его созданіяхъ заимствованные элементы, отзвуки видѣннаго и подсказаннаго, но цѣлое получается глубоко оригинальное, возможное и мыслимое только на Руси.

По цѣлому ряду экономическихъ и географическихъ причинъ, о которыхъ придется говорить ниже, церковное зодчество XVII-го вѣка достигаетъ наибольшаго великолѣпія въ сѣверномъ Поволжьи, преимущественно въ городахъ тепершней Ярославской губерніи. Даже храмы царственной Москвы кажутся убогими чашовнями передъ сверкающей нарядностью Ярославскихъ церквей. Группировка куполовъ, декорация стѣнъ, пышная обработка порталовъ и оконъ, сказочная пестрота изразцовъ, — все это достигаетъ громаднаго художественнаго совершенства, одинаково близкаго и понятнаго и фанатику православія, и религіозному инди-

¹⁾ «Отчетъ Моск. Истор. Музея за 1907 годъ».

ференту, и убѣжденному атеисту, поскольку каждый изъ нихъ способенъ къ эстетическому воспріятію.

Въ городахъ Ярославской губерніи почти не сохранилось памятниковъ ранѣе XVII-го вѣка. Все лучшее, что мы находимъ, относится ко второй половинѣ XVII-го столѣтія. Послѣдующіе вѣка не дали городамъ сѣвернаго поволжья ничего художественно значительнаго, а тѣмъ болѣе ничего характеризующаго мѣстное творчество, и они застыли въ своемъ обликѣ, данномъ концомъ XVII-го вѣка.

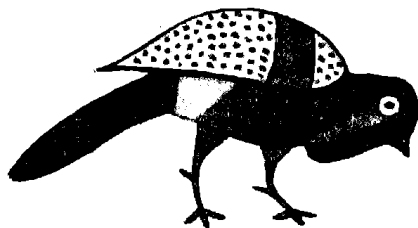
Еще въ болѣе сильной степени, чѣмъ церковное зодчество, характеризуетъ ярославскіе храмы стѣнная живопись. Всѣ стѣны лучшихъ церквей, паперти, входы, столбы, алтарныя абсиды и даже откосы оконъ представляютъ сплошной коверъ стѣнописи, единственной какъ въ смыслѣ сохранности и количества, такъ и въ смыслѣ богатства и разнообразія сюжетовъ, колоритности и прелести декоративнаго эффекта. Стѣнопись эта, одно перечисленіе изображеній и описаніе которой потребовало бы нѣсколькихъ увѣсистыхъ фоліантовъ, даетъ незамѣнимый матеріалъ для проникновенія въ душу древне-русскаго художника, какъ выразителя своеобразной, вполне развитой культуры. Условный стиль иконописныхъ фресокъ требуетъ нѣкоторой приспособленности и привычки для пониманія его характернаго языка,—и для того, кто не побоится преодолѣть его кажущуюся мертвенность и сухость, его несоотвѣтствіе съ нашими обычными художественными представленіями, онъ окажется очень воспріимчивымъ и выразительнымъ. Менѣе одухотворенными представляются созданія прикладнаго искусства, въ обиліи украшающія ярославскія церкви, но въ нихъ привлекаетъ громадное мастерство, особенно поражающее въ деревянной рѣзьбѣ.

Слѣдуя намѣченной выше задачѣ, этотъ очеркъ не можетъ претендовать на историческую полноту и всесторонность. Взять только одинъ уголокъ необъятно широкой жизни—міропониманіе людей прошлаго, поскольку оно проявляется въ ихъ матеріальныхъ твореніяхъ; но этотъ уголокъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и опредѣляющихъ: въ немъ неумирающая цѣнность, потому что разъ созданная красота уже никогда не повторится и никогда не перестанетъ радовать міръ, въ немъ не только

ключъ къ глубокому пониманію прошлаго, но и оправданіе его передъ вѣчностью...

Тѣ люди, что когда-то населяли зеленые берега Волги, много страдали, много трудились, много пролили крови. Теперь все это забыто и часто осмѣяно, потому что тяжелое наслѣдство оставили они своимъ потомкамъ. И только остались у тихой Волги созданные ими прекрасные храмы; въ ихъ вѣковомъ полумракѣ пестрѣютъ живописныя изображенія, ставшія ненужными и непонятными, и рассказываютъ внимательному наблюдателю о томъ свѣтломъ и прекрасномъ, что было въ душѣ людей допетровской *святой* Руси!

Съ началомъ петербургскаго періода нашей исторіи, съ рѣзкимъ переломомъ и отказомъ отъ прошлаго, порвалась связь нашего времени съ Русью прежнихъ вѣковъ. Мы, теперешніе, думаемъ, что явились сами по себѣ, подъ суровымъ воздѣйствіемъ петровской дубинки, скроенные изъ разрозненныхъ локутьевъ западной мысли и дѣла. Теперь у насъ есть великая литература. мы гордимся сказаннымъ міру новымъ *русскимъ* словомъ, философіей учительства и подвижничества, проповѣдью любви и всепрощенія. Это слово сказала интеллигенція—такъ кажется намъ,—интеллигенція, воспитанная Тургеневымъ, Толстымъ и Достоевскимъ; мы вѣримъ, но непрочно, что это слово идетъ отъ народа,—и тѣмъ радостнѣе знать, что предпосылки этого слова уже родились въ XVII вѣкѣ, что казавшееся послѣднимъ достиженіемъ интеллигентской мысли, давно родилось въ стихійной душѣ народа...

І. Ярославль.

О началѣ Ярославля сохранились только преданія и смутныя извѣстія; лѣтописи же впервые упоминають о немъ подъ 1071 го домъ. Преданіе относитъ основаніе города къ самому началу XI-го вѣка, приписывая его кн. Ярославу Мудрому. Есть нѣсколько легендъ, украшающихъ начальную исторію города: имъ опасно вѣрить, потому что каждая легенда и въ самомъ замыслѣ, и въ подробностяхъ носить замѣтный отпечатокъ создавшей ее эпохи. Но легенда всегда красива и ее хочется выслушать и полюбить, какъ сказку... Рукопись XVII-го вѣка рассказываетъ какъ князь Ярославъ охотился на берегу Волги и чудеснымъ образомъ спасся отъ медвѣдицы. Въ память этого и былъ основанъ городъ при впаденіи р. Которосли въ Волгу... Еще цвѣтистѣе и фантастичнѣе рассказываетъ преданіе, повидимому сложившееся въ XVIII-го вѣкѣ¹⁾. Князь Ярославъ, прибывъ на мѣсто, гдѣ расположенъ былъ впослѣдствіи «Рубленый городъ»,—самая древняя часть Ярославля, встрѣтилъ здѣсь удалившагося отъ міра и жившаго въ землянкѣ старца. То былъ Рогдай, сотрудникъ Добрыни, одинъ изъ первыхъ богатырей Владиміра Святого. Ярославъ сказалъ Рогдаю небольшую рѣчь, свидѣтельствующую о его просвѣщенномъ образѣ мыслей и хорошемъ знакомствѣ съ французской философіей XVIII-го вѣка: «На брегѣ семъ сотрудимъ градъ. Дадимъ народу средства познать пріятство и пользу взаимности съ другими странами; воздвигнемъ храмы Вседержителю во славу; учредимъ училища и симъ способомъ откроемъ скрытыхъ талантовъ хранилище.

¹⁾ *Павелъ Львовъ*. Повѣствованіе о построеніи г. Ярославля, взятое изъ исторіи. «М. 1820 г.»

Положимъ награды за успѣхи въ наукахъ, художествахъ, промыслахъ и торговлѣ; преклонимъ добрую людей волю въ обрѣтеніе собственнаго ихъ благополучія и тако, съ осторожностью поведемъ челоуѣка путемъ пріятнымъ къ желаемой намъ цѣли».

На пространствѣ теперешней Ярославской губерніи Ярославль не былъ старѣйшимъ городомъ. Значительно раньше существовалъ и возвысился Ростовъ Великій, создавшій ростовское княжество, въ предѣлахъ котораго возникъ и Ярославль. Городъ расположенъ при устьи р. Которосли, соединявшей судоходнымъ путемъ озеро Неро, на берегу котораго процвѣталъ Ростовъ съ Волгой. Такимъ образомъ заслуживаетъ довѣрія предположеніе, что Ярославъ Мудрый соорудилъ при устьи Которосли укрѣпленіе, защищавшее водный путь къ Ростову. Можно довѣриться и обстоятельному разсказу рукописи XVII-го вѣка ¹⁾ о первыхъ обитателяхъ Ярославля, о колонизаціи его русскими: «при брезѣ рѣки Волги и Которости... бысть селеще, рекомое Медвѣжій уголъ, въ немъ же на сельницы челоуѣцы, поганой вѣры—языцы, зли суще»... Они поклонялись богу Волосу—«сирѣчь скотій богъ». Занимались скотоводствомъ и грабежомъ судовъ, проходившихъ по Волгѣ. Ярославъ, основавъ городъ, населилъ его христіанами ростовцами, но «населенцы Медвѣжьяго угла не пріобщахуся граду, живяше особо и кланяшеся Волосу»...

Въ 1218 году Ярославль отдѣляется отъ Ростовскаго княжества и становится удѣломъ кн. Всеволода, сына Константина.

За двѣсти съ лишнимъ лѣтъ существованія въ качествѣ самостоятельной политической единицы Ярославль не сумѣлъ внести въ свою исторію грозныхъ и вѣчныхъ страницъ. На всемъ, что творилось въ Ярославлѣ за это время и что сохранили лѣтописи, лежитъ отпечатокъ неистощимаго провинціализма: все мелко, тихо, не выходитъ изъ предѣловъ областныхъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе Ярославль является замѣтнымъ культурнымъ центромъ. Въ XIII вѣкѣ здѣсь уже упоминается Спасо-Преображенскій монастырь,—одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, тотъ, въ которомъ было найдено «Слово о полку Игоревѣ». Въ самомъ же началѣ XIII вѣка въ Ярославлѣ существовало первое изъ извѣстныхъ на сѣверѣ училищъ, въ 1214 году переведенное въ Ростовъ, ко двору княжескому, построенному Константиномъ Всеволодовичемъ, отцомъ перваго ярославскаго князя.

¹⁾ «Труды Ярославской Архивной Комиссіи». Кн. 3. вып. IV. стр. 7.

Въ 1221 году Ярославль погорѣлъ. О размѣрахъ и богатствѣ тогдашняго города можно судить по тому, что однѣхъ церквей сгорѣло 17. То же количество церквей существуетъ и теперь въ древней части Ярославля—Земляномъ и Рубленномъ городѣ ¹⁾. Исторія ярославскаго княжества не богата разсказами о битвахъ и побѣдахъ. Войны носятъ мѣстный характеръ. Въ 1228 году ярославцы ходили со своимъ княземъ на Мордву, — «повоеваша ю» ²⁾ и вернулись съ многочисленнымъ полономъ. Въ 1237 году Ярославль былъ разоренъ татарами, а 4-го марта 1238 года ярославцы участвовали въ роковой битвѣ на рѣкѣ Сити, потеряли въ ней своего князя Всеволода и даже не могли найти его тѣла.

Затѣмъ наступаетъ двухвѣковая страда подъ властью татаръ. Въ 1257 году ярославцы по преданію сдѣлали первую на Руси попытку свергнуть монгольское иго. Ханъ Берке приказалъ произвести народную перепись; приказъ этотъ былъ враждебно встрѣченъ всей Русью. Ярославцы прогнали татарскихъ переписчиковъ. Для наказанія строптивыхъ явились татарскія полчища, князь Константинъ вышелъ противъ нихъ съ большой дружиной и 3-го іюня на возвышенности, находящейся за Которостью, произошла битва и ярославцы были разбиты. Мѣстность, гдѣ произошла битва, получила названіе «Туговой Горы», — здѣсь тужили ярославцы о павшихъ воинахъ. Теперь на Туговой горѣ кладбище. Такъ до нашихъ дней Тугова гора остается мѣстомъ скорби и послѣдняго успокоенія...

Въ 1463 году кончилось самостоятельное существованіе Ярославля: князь Александръ Брюхатый промѣнялъ ярославское княжество, какъ свою вотчину, Іоанну III на вотчины въ московскомъ княжествѣ.

Такова короткая и незамѣтная политическая исторія Ярославля. Совершенно не участвуя въ политикѣ, Ярославль чуть не съ первыхъ десятилѣтій своего существованія начинаетъ играть замѣтную роль въ экономической жизни сѣверной и московской Руси. Ярославскій край, расположенный на перепуты торговыхъ трактовъ Сѣвера—Тверской и Новгородской земли, съ Югомъ и Востокомъ, а въ частности Ярославль, стоявшій на пути къ богатому Ростову, съ давнихъ поръ участвовалъ въ торговлѣ. Най-

¹⁾ Головицковъ. Историческій очеркъ г. Ярославля.

²⁾ «Никоновская лѣтопись», ч. II, стр. 356.

денныя въ Ярославской губерніи и, между прочимъ, въ Угличѣ арабскія и персидскія монеты VII и послѣдующихъ вѣковъ свидѣлствуютъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. Въ это отдаленное время Ярославль, повидимому, служилъ только транзитнымъ пунктомъ между могучимъ Новгородомъ и восточными племенами. И здѣсь умѣстно вспомнить, что по преданію поводомъ къ основанію Ярославля была необходимость защитить ходящія по Волгѣ и Которосли суда отъ грабителей Медвѣжьяго угла...

Экономическое возвышеніе Ярославля тѣсно связано съ раззореніемъ Новгорода. Главный торговый рынокъ сѣверной Руси былъ уничтоженъ полчищами Іоанна Грознаго. Новгородскіе купцы, предприимчивые и опытные, частью переселенные въ Ярославль, поднимаютъ его торговое значеніе. Присоединеніе къ Москвѣ казанскаго и астраханскаго царствъ открываетъ свободный путь въ Азію; открытіе англичанами въ 1553 году торговаго пути черезъ Архангельскій портъ, Вологду и Ярославль, въ «Московію» и на Востокъ, дѣлаетъ Ярославль однимъ изъ наиболѣе удобныхъ мѣстъ обмѣна и перегрузки европейскихъ и азіатскихъ товаровъ. Иностранцы уже въ XVI вѣкѣ селятся въ Ярославль на постоянное жительство и, по описи 1630 года, ихъ было 29 дворовъ. Когда въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Швеція закрыла порты Балтійскаго моря, а несогласія съ Польшей отрѣзали сухопутное сообщеніе съ Западомъ,—главный торговый путь изъ портовъ Бѣлаго моря въ Москву шелъ черезъ Ярославль. Бойкая торговля, удобство сообщенія и выигрышное положеніе международнаго рынка, не могли не отразиться на характерѣ населенія, его зажиточности, большей культурности и предприимчивости. Кромѣ издавна существовавшаго рыбнаго промысла, въ XVII вѣкѣ въ Ярославль появляются селитренныя, клеевыя, кожевенныя, гончарныя, изразцовыя и т. п. заводы. Кромѣ торговцевъ и мастеровъ Ярославль поставляетъ и искусныхъ ремесленниковъ. Кузнечное, чеканное, рѣзное, иконописное ремесло прославляютъ Ярославль уже въ серединѣ XVII вѣка. Дошедшія до насъ работы ярославскихъ ремесленниковъ, попадающіяся не только въ поволжскихъ городахъ, но и въ Москвѣ, свидѣлствуютъ о высокомъ мастерствѣ, обилии творческихъ мотивовъ и большой художественной воспримчивости.

Кромѣ причинъ экономическихъ, вродѣ наличности обширнаго и богатаго торговаго класса, усердно занимавшагося храмѣ-

здательствомъ—всѣ лучшія церкви Ярославля выстроены на средства купцовъ,—цѣлый узелъ счастливыхъ условій способствовалъ высокому уровню техническихъ и художественныхъ знаній въ Ярославлѣ. Оживленная торговля благопріятствовала заносу новыхъ пріемовъ и вкусовъ—съ Востока и съ Запада. Какъ общій принципъ, можно установить, что во второй половинѣ XVII вѣка, въ ярославскомъ творчествѣ въ орнаментации и прикладномъ искусствѣ замѣтно преобладающее вліяніе Востока, въ изобразительномъ—Запада.

Нигдѣ на Руси не достигала деревянная рѣзба, любимая орнаментация русскаго народа, такой художественной высоты, какъ въ Ярославлѣ.

Во многихъ церквяхъ и монастыряхъ хранятся до нашихъ дней изумительные по мастерству, вкусу и неистощимой изобрѣтательности орнаментальныхъ формъ, рѣзные иконостасы, царскія врата, царскія и патріаршія сидѣнья, надпрестольныя сѣны—деревянные шатры, помѣщавшіеся въ алтарѣ надъ престоломъ. Рѣзба очень разнообразна; орнаменты ажурные, накладные чередуются съ просто рѣзанными, отдѣльныя части золотятся, серебрятся или окрашиваются въ красную и синюю краску. Великолѣпный образецъ рѣзной сѣни есть въ церкви Іліи Пророка. (табл. XI.) Архитектура сѣни вполне русская, навѣянная шатровыми покрытіями деревянныхъ церквей сѣвера, но хитрые узоры причудливо-сплетающагося орнамента отдають чисто восточной пряностью и роскошью, и ни откуда, кромѣ Востока, попасть въ Ярославль не могли. По карнизу сѣни выбита надпись, устанавливающая время ея исполненія: «Лѣта 7165 (1757 году) сдѣлана сія сѣнь въ церковь святого славнаго пророка и Боговидца Ильи и при державѣ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича Великія и Малыя и Бѣлыя Руси Самодержца и пресвятѣйшимъ патріархѣ Никонѣ и преосвященномъ митрополитѣ Іонѣ Ростовскомъ и Ярославскомъ...» ¹⁾).

Въ деревянной рѣзбѣ XVII вѣка поражаетъ не столько техническое мастерство, сколько изысканность орнамента, его фантастическая запутанность и сложность: причудливо сливаются и извиваются змѣистыя линіи, сплетаются въ какіе-то таин-

¹⁾ Цит. по Павлинову. «Исторія русской архитектуры». Стр. 231.

ственные узлы и снова развиваются смѣлымъ изгибомъ, и глазъ совершенно теряетъ способность разобрать въ этой орнаментальной сказкѣ, прослѣдить ея составныя части, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно чувствуется выдержанность общаго замысла, цѣльность затѣйливаго узора. Тутъ чувствуется довольно близкое родство съ искусствомъ мусульманскаго Востока: тотъ же характеръ невѣроятно сложнаго узора мы встрѣчаемъ на древнихъ персидскихъ тканяхъ и особенно на чеканныхъ и филигранныхъ произведеніяхъ. Несомнѣнно, образцы мусульманскаго творчества попадали въ Ярославль по Волгѣ и прельщали русскихъ рѣзчиковъ пышностью узора.

Ни въ чемъ не выступаетъ такъ рѣзко духъ восточнаго искусства какъ въ этомъ хитростномъ орнаментѣ. Его рѣзкая коренная противоположность европейскому, западному искусству опредѣлилась со временъ древней Греціи. Уже тамъ поняли люди прелесть «прекрасной ясности», божественное величіе гармоніи и все искусство Запада искало отчетливости формъ, ихъ рѣзкой опредѣленности и согласованности, изящества спокойнаго, разсудочнаго творчества. Востокъ же навѣки застылъ въ какомъ-то опьяненіи загадочной сложностью формъ, льющихся въ смутномъ, дразнящемъ глазъ ритмѣ, такихъ же неясныхъ и неуловимыхъ, какъ сонъ, какъ грезы опьяненія...

Русское искусство XVII вѣка цѣликомъ не примыкало ни къ одному изъ этихъ двухъ художественныхъ идеаловъ, но чаще склонялось къ Востоку и даже заимствованныя съ Запада формы сдабривало восточной пышностью...

«Декоративное искусство, быть можетъ, единственная область, въ которой русскій геній вылился не менѣе ярко, чѣмъ въ архитектурѣ... Русскій народъ во всѣ времена обнаруживалъ инстинктивное неудержимое влеченіе къ украшенію...» говоритъ историкъ русскаго искусства Игорь Грабарь¹⁾. Деревянная рѣзба—излюбленное мастерство русскаго сѣвера; крыльца, окна, прялки, мебель, ларцы, вальки, дуги, салазки — старательно украшаются доморощенными художниками, но эта рѣзба, живущая до сихъ поръ въ народномъ творчествѣ въ лѣсной глуши сѣвера, вдали отъ фабричной пошлости, никогда не поднимается до *роскоши* и *виртуозности* Ярославскихъ мастеровъ XVII вѣка. Народное творчество сѣвера недисциплинировано, не создаетъ школы и

¹⁾ «Исторія русскаго искусства» т. I. стр. 134—135.